

ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Хороните
своих мертвецов

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз,
исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке,
спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Луиза Пенни
Хороните своих мертвецов
Серия «Старший
инспектор Гамаш», книга 6
Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/12059405>

Пенни Л. Хороните своих мертвецов : роман: Азбука, Азбука-Аттикус;

СПб; 2015

ISBN 978-5-389-10640-6

Аннотация

<р>Роман «Хороните своих мертвецов» продолжает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.**</р>** **<р>**Пока древние каменные стены Старого Квебека трещат от зимних морозов, старший инспектор Арман Гамаш расследует самое странное дело в своей успешной карьере. В здании добропорядочного Литературно-исторического общества найдено тело. Человек был жестоко убит в тот момент, когда производил раскопки в подвале. Его смерть явно связана с одной из величайших тайн в истории Квебека, корни которой уходят в

века. И только разгадав эту тайну, Гамаш может найти убийцу...

Впервые на русском языке!

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	28
Глава третья	49
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Луиза Пенни

Хороните своих мертвецов

*Эта книга посвящается вторым шансам – тем,
кто их дает, и тем, кто их получает*

Louise Penny

BURY YOUR DEAD

Copyright © 2010 by Three Pines Creations

All rights reserved

This edition published by arrangement with Teresa Chris
Literary Agency Ltd. and The Van Lear Agency

© Г. Крылов, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Они мчались вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки и стараясь не шуметь. Гамаиш из всех сил сдерживал дыхание, словно он сидел дома, словно ничто в мире его не тревожило.

– Сэр, – раздался в наушниках Гамаиша молодой голос.

– Ты должен мне верить. Ничего плохого с тобой не случится, сынок.

Он надеялся, что молодой агент не услышит напряжения в его голосе, не заметит усилия, которое прикладывал старший инспектор, чтобы его голос звучал веско, убедительно.

– Я вам верю.

Они добежали до площадки. Инспектор Бовуар остановился, посмотрел на своего шефа. Гамаиш взглянул на часы. 47 секунд.

Время еще есть.

В наушниках он слышал голос молодого агента – тот рассказывал ему о солнечных лучах, о том, как славно они греют лицо.

Остальная часть команды тоже добралась до площадки – в бронежилетах, с автоматическим оружием на изготовку. Все внимание на шефа. Рядом с ним ждал решения и инспектор Бовуар. Куда теперь? Они были близко. В несколь-

ких шагах от цели.

Гамаш бросил взгляд в один темный грязный коридор заброшенной фабрики, затем в другой. Они ничем не отличались друг от друга. Свет и декабрьский день проникали через разбитые, в потеках окна.

43 секунды.

Он решительно показал налево. И они молча побежали к двери в конце. Гамаш на бегу сжимал винтовку и спокойно говорил в микрофон:

– Нет нужды волноваться.

– Осталось сорок секунд, сэр.

Каждое слово на той стороне произносилось так, будто человеку трудно дышать.

– Просто слушай меня, – сказал Гамаш, показывая рукой на дверь.

Его люди бросились вперед.

36 секунд.

– Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, – произнес Гамаш уверенным, властным тоном, словно вызывая молодого агента на спор. – Сегодня вечером ты будешь обедать со своей семьей.

– Да, сэр.

Команда окружила закрытую дверь с грязным матовым стеклом. Затемненным.

Гамаш помедлил, его рука повисла в воздухе, готовая дать сигнал взломать эту дверь. Чтобы спасти его агента.

Рядом с ним напрягся в ожидании Бовуар.

Слишком поздно старший инспектор Гамаш понял, что совершил ошибку.

– Не спеши, Арман.

– Avec le temps?¹

Гамаш улыбнулся в ответ своему наставнику и сжал правую руку в кулак. Чтобы перестала дрожать. Дрожание было таким слабым, что официантка в кафе в Квебек-Сити наверняка ничего не заметила. Два студента за соседним столом усердно молотили по клавиатурам своих ноутбуков – они уж точно не заметили. Никто ничего не заметил.

Кроме человека, сидевшего совсем рядом.

Гамаш посмотрел на Эмиля Комо, уверенной рукой сжимающего слоистый круассан. Прежнему наставнику и шефу Гамаша было под восемьдесят. У него были ухоженные седые волосы и ярко-синие глаза за стеклами очков. В свои годы он оставался подтянутым и энергичным. И все же при каждом новом посещении Арман Гамаш отмечал, что лицо Эмиля чуть-чуть смягчилось, движения слегка замедлились.

Avec le temps.

Эмиль Комо, который вдовствовал вот уже пять лет, знал силу и протяженность времени.

Жена Гамаша, Рейн-Мари, уехала сегодня рано утром, проведя с ними неделю в каменном доме Эмиля в обнесен-

¹ Со временем?(фр.)

ном стеной Старом городе Квебека. Все вместе они обедали перед камином, гуляли по узким, засыпанным снегом улочкам. Разговаривали. Молчали. Читали газеты, обсуждали события. Втроем. Вчетвером, если считать немецкую овчарку Анри.

А большую часть дня Гамаш проводил в одиночестве в местной библиотеке.

Эмиль и Рейн-Мари не возражали против этого, понимая, что сейчас ему нужно не только общество, но и уединение.

Но вот пришло время, когда Рейн-Мари нужно было уезжать. Попрощавшись с Эмилем, она повернулась к мужу. Высокий, плотно сложенный, предпочитавший хорошие книги и долгие прогулки любой другой деятельности, он скорее был похож на заслуженного профессора лет пятидесяти пяти, чем на главу самого известного в Канаде полицейского подразделения по расследованию убийств. *Sûreté du Québec*. Гамаш проводил ее до машины, соскреб утренний ледок с лобового стекла.

– Тебе не обязательно уезжать, – сказал он, улыбаясь ей.

Они стояли друг перед другом в хрупком свете нарождающегося дня. Анри сидел в сугробе поблизости и наблюдал за ними.

– Я знаю. Но тебе с Эмилем нужно побыть вдвоем. Я же видела, как вы поглядывали друг на друга.

– Взаимное чувство? – рассмеялся старший инспектор. – А я думал, нам удастся его скрывать.

– Жена всегда знает.

Она улыбнулась, глядя в темно-карие глаза мужа. Хотя на нем была вязаная шапочка, Рейн-Мари видела его седеющие волосы и небольшой вихор, выбившийся наружу. И бороду. Она постепенно привыкла к его бороде. Долгие годы он носил усы, но в последнее время, после того случая, отрастил аккуратную бородку.

Рейн-Мари помедлила. Сказать или не сказать? Эта мысль теперь все время преследовала ее, готовая сорваться с языка. Но она знала, что слова бесполезны, если вообще можно так сказать о словах. Рейн-Мари точно знала, что слова словами, а дела делами. Если бы могла, она бы окружила его словами, защитила бы его ими. Но вместо этого она беззаботным голосом произнесла:

– Приезжай домой, когда сможешь.

Гамаш поцеловал ее:

– Приеду. Через несколько дней. Максимум – через неделю. Позвони, как только доберешься.

– D'accord².

Она села в машину.

– Je t'aime³, – сказал он и, просунув руку в открытое окно машины, коснулся ее плеча.

«Смотри в оба, – кричал ее внутренний голос. – Не лезь на рожон. Приезжай скорей ко мне. Береги себя, береги себя,

² Договорились(*фр.*).

³ Я тебя люблю(*фр.*).

береги себя».

Она накрыла своей рукой в перчатке его руку.

– Je t'aime.

А потом она поехала в Монреаль, поглядывая в зеркало заднего вида на его фигуру, одиноко стоящую на утренней улице. Анри, конечно же, уселся рядом с Гамашем. И оба смотрели на нее, пока она не исчезла.

Старший инспектор продолжал смотреть, даже когда машина скрылась за поворотом. Потом он взял лопату и неторопливо счистил со ступеней крыльца снежный пушок, налетевший за ночь. На минуту он замер, опираясь руками на черенок лопаты, – наслаждался игрой утреннего света на свежем снегу. Снег казался скорее голубоватым, чем белым, и в некоторых местах посверкивал крохотными искорками – снежинки там намело в небольшие кучки, и они улавливали, преображали и возвращали свет. Словно что-то живое, захватывающее.

Такой была жизнь в Старом городе. Неторопливой и динамичной, устоявшейся и переменчивой.

Взяв горсть снега, старший инспектор скомкал его в руке. Анри тут же сделал стойку, собачий хвост так напрягся, что весь его корпус сзади стал покачиваться. Глаза впились в снежок.

Гамаш подбросил снежок в воздух, и пес подпрыгнул, поймал его зубами, перемолотил. Приземлившись на все четыре лапы, Анри в очередной раз удивился, как это снежок,

казавшийся таким твердым, вдруг взял да и пропал.

Исчез так быстро.

Но в следующий раз все будет иначе.

Гамаш хохотнул. Возможно, Анри прав.

В это время из дверей вышел Эмиль, закутанный в громоздкое зимнее пальто для защиты от кусачего февральского холода.

– Готов? – Старик натянул на голову вязаную шапочку, закрывая уши, надел теплые варежки, похожие на боксерские перчатки.

– К чему? К осаде?

– К завтраку, *mon vieux*⁴. Поторопись, пока кое-кто не съел последний круассан.

Он знал, как мотивировать своего прежнего подчиненного. Не дожидаясь, когда Гамаш уберет лопату, Эмиль поспешил по заснеженной улице. Уже просыпались и другие обитатели Квебек-Сити. Выходили в нежный утренний свет, чтобы сбросить снег с машин, дойти до пекарни, взять свежий батон и выпить кофе.

Двое мужчин и Анри двинулись по рю Сен-Жан, мимо ресторанов и сувенирных магазинов, на крохотную боковую улочку рю Куйар, где находилось кафе «Ше темпорель».

Они приходили в это кафе вот уже пятнадцать лет, с тех самых пор, как суперинтендант Эмиль Комо вышел в отставку и поселился в Старом городе Квебек-Сити, а Гамаш начал

⁴ Старина(*фр.*).

приезжать к нему, чтобы провести время со своим наставником и помочь ему по хозяйству. Всяких мелочей накапливалось немало: разгрести снег, заготовить дрова для камина, заклеить окна к холодам. Но нынешний его приезд был другим. На этот раз старшего инспектора Гамаша тянуло в Квебек-Сити, как никогда в прежние зимы.

На этот раз помощь требовалась Гамашу.

– Итак... – Эмиль откинулся на спинку стула, обхватив обеими руками чашку кофе с молоком. – Как продвигаются твои изыскания?

– Пока не могу найти упоминаний о том, что капитан Кук и в самом деле встречался с Бугенвилем⁵ перед Квебекским сражением. Но ведь это было двести пятьдесят лет назад. Документы того времени встречаются редко, и обычно они в плохом состоянии. Но я знаю, что они здесь есть, – сказал Гамаш. – Библиотека просто удивительная, Эмиль. Многим томам сотни лет.

Он начал рассказывать о своих поисках в библиотеке, о том, как откапывает в забытых старинных книгах всякие любопытные сведения о сражении, которое состоялось давным-давно и было проиграно, по крайней мере с его точки зрения. А его старший товарищ внимательно смотрел на Гамаша. Появилась ли наконец искорка в этих дорогах

⁵ Луи Антуан де Бугенвиль (1729–1811) – участник войны во французских колониях против Британии, позднее открыватель Фолклендских островов, исследователь Тихого океана, руководитель первой французской кругосветной экспедиции.

для него глазах? В глазах, в которые он так часто заглядывал на месте страшных преступлений, когда они преследовали убийц. Когда они прочесывали леса, деревни и поля, размышляли над уликами, свидетельскими показаниями и гипотезами. «Сквозь мрак безбрежный, полный бездонных страхов»⁶, – вспомнил Эмиль, думая о тех днях. Да, точное описание. «Полный бездонных страхов». Их страхов и страхов убийц. За какими только столами в разных уголках провинции не сидели они с Гамашем! Как сидят вот сейчас.

Но теперь настало время отдохнуть от убийств. Хватит душегубств, хватит смертей. В последнее время Арман видел их слишком часто. Нет, лучше закопаться в историю, в давно ушедшую жизнь. Интеллектуальное расследование, и ничего больше.

У их ног шевельнулся Анри, и Гамаш машинально опустил руку и погладил собаку по голове, чтобы успокоить. И снова Эмиль заметил легкую дрожь в руке. Сейчас она была едва заметна, но иногда усиливалась.

Ему хотелось взять эту руку, укрепить ее, сказать Гамашу, что все будет хорошо. Потому что он знал: так и будет.

Со временем.

Глядя на Гамаша, Эмиль снова обратил внимание на рваный шрам на его левом виске и аккуратную бородку, которую он отрастил в последнее время. Чтобы люди не глазели. Чтобы люди не узнавали самого узнаваемого полицейского

⁶ Из стихотворения английского поэта Фрэнсиса Томпсона «Гончая небес».

в Квебеке.

Но конечно, это не имело значения. Не от них прятался Арман Гамаш.

Официантка принесла еще кофе.

– Мерси, Даниэль, – в один голос сказали они, и она ушла, улыбаясь этим двоим мужчинам, таким разным, но таким похожим.

Они выпили кофе, съели pain au chocolat и croissants aux amandes⁷, поговорили о Квебекском карнавале, начинающемся этим вечером. Иногда они замолкали, глядя, как люди на улице по холоду спешат на работу. Кто-то процарапал трилистник клевера в небольшой впадинке в центре деревянного стола. Эмиль потер это место пальцем.

Он все спрашивал себя, когда же Арман захочет рассказать о том, что случилось.

Была половина одиннадцатого – время начала ежемесячного заседания совета Литературно-исторического общества. Долгие годы это заседание проводилось по вечерам, когда библиотека закрывалась, но потом заметили, что на эти заседания приходит все меньше и меньше членов общества.

Поэтому председатель Портер Уилсон поменял время сбора. По крайней мере, он считал, что сам поменял время. По крайней мере, в протоколе собрания сообщалось, что это предложение принадлежит ему, хотя наедине с самим собой

⁷ Булочки с шоколадом и круассаны с миндалем (*фр.*).

он вроде бы вспоминал, что возражал против этого.

Как бы там ни было, вот уже несколько лет они встречались по утрам. И другие члены общества приспособились к этому, как и сам Портер. Он-то просто вынужден был это сделать – ведь идея принадлежала ему.

Тот факт, что совет приспособился, можно было считать чудом. Когда в последний раз их просили что-то изменить, речь шла об износившейся коже на стульях Лит-Иста, и случилось это шестьдесят три года назад. Члены общества все еще помнили отцов и матерей, бабушек и дедушек, выстроившихся по обе стороны этой мебельной линии Мэйсона – Диксона⁸. Они помнили саркастические замечания, сделанные за закрытыми дверями, за глаза, но при детях. Детях, которые и шестьдесят три года спустя не забыли эту бессловесную замену старой черной кожи на новую.

Отодвигая для себя стул во главе стола, Портер заметил, что у сиденья потертый вид. Он быстро сел, чтобы никто, и в первую очередь он сам, не заметил этого. Перед его местом, как и перед местами всех остальных, лежали аккуратные стопки бумаги – этакие солдаты на деревянном столе. Работа Элизабет Макуиртер. Портер посмотрел на Элизабет. Простенькое лицо, худощавая и высокая. По крайней мере, такой она была, когда мир был молод. Теперь она казалась

⁸ *Линия Мэйсона – Диксона* – граница, проведенная в 1763–1767 годах для разрешения векового спора между британскими колониями в Америке, служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

замороженной на манер тех трупов, что находят в ледниках. Она все еще сохраняла человеческие черты, но вся высохла и поседела. Элизабет носила синее практичное платье, причем, как подозревал Портер, хорошего покроя и из хорошего материала. Что ни говори, она ведь из тех самых Макуиртеров. Член почтенной и богатой семьи. Семьи, которая не кичится своим богатством или мозгами. Ее брат продал судостроительную империю с опозданием лет на десять. Но кое-какие деньги еще остались. Элизабет была скучноватой, но ответственной. Не лидер, не мечтатель. Не из тех людей, что могут в трудный час сплотить общество. Таких, как сам Портер. И его отец до него. И его дед.

А крохотное английское сообщество в стенах старого Квебек-Сити вот уже несколько поколений переживало трудный час. Это был такой трудный час, который может ухудшаться, может улучшаться, но никогда не исчезает полностью. Как и сами англичане.

Портер Уилсон не сражался ни на каких войнах: для одних он оказывался слишком молод, для других – слишком стар. Нет, речь не шла об официальных войнах. Но он и другие члены совета тем не менее чувствовали себя как на войне. И он втайне подозревал, что они проигрывают сражения одно за другим.

У дверей Элизабет Макуиртер встречала других членов совета и поглядывала на Портера Уилсона, который уже сидел во главе стола и читал свои заметки.

Элизабет знала, что он многого добился в жизни. Организовал хор, любительский театр, флигель для дома инвалидов. Все это было создано силой воли и личности. И пусть все они тут рядом с ним карлики, он у всех искал совета и многое принимал.

Эта сила его личности могла создавать и калечить. А будь он добрее, сумел бы он добиться большего? Впрочем, активность и доброта уживаются редко, хотя, когда это происходит, их не остановить.

Остановить Портера было можно. Собственно, он и сам остановился. И теперь совет Лит-Иста был единственным кораблем, на мостике которого он стоял. Элизабет знала Портера уже семьдесят лет, с тех пор как увидела его в школе подающим ланч в одиночестве и стала составлять ему компанию. Портер думал, что она хочет подольститься к человеку, принадлежащему к великому клану Уилсонов, и относился к ней с пренебрежением.

Но она продолжала составлять ему компанию. Не потому, что он ей нравился, а потому, что даже тогда она знала нечто такое, на понимание чего Портеру Уилсону потребовались десятилетия. Англоязычные канадцы Квебек-Сити больше не были движущей силой, парходом или изящным пассажирским лайнером общества и экономики.

Они были маленьким плотиком. На воле волн. А войну с плотика не объявляют.

Элизабет Макуиртер уже тогда знала это. И когда Портер

принимался раскачивать лодку, она ее выравнивала.

Она смотрела на Портера Уилсона и видела небольшого, энергичного человека в парике. Его волосы – там, где еще оставались его собственные волосы, – были выкрашены в такой черный цвет, что им даже стулья могли позавидовать. Глаза у него были карие, и он нервно стрелял ими в разные стороны.

Первым появился мистер Блейк, старейший член комитета. Он практически жил в Лит-Исте. Мистер Блейк снял пальто и остался в костюме из шерстяной ткани и стираной белой рубашке с синим шелковым галстуком. Мистер Блейк всегда приходил в лучшем виде. Джентльмен, в присутствии которого Элизабет чувствовала себя молодой и красивой. Она ему нравилась, когда была неловким подростком, а он – в расцвете своих двадцати пяти.

Тогда он был привлекателен и не потерял привлекательности шестьдесят лет спустя, хотя волосы его поредели и поседели, а некогда стройное тело округлилось. Но глаза оставались умными и живыми, а сердце – большим и сильным.

– Элизабет.

Мистер Блейк улыбнулся и взял ее за руку, задержав на мгновение. Никогда слишком долго, никогда слишком фамильярно. Просто чтобы она почувствовала его руку.

Он сел на стул, и Элизабет подумала, что стул давно пора заменить. Но если уж на то пошло, то пора заменить и Блейка. Всех их пора заменить.

Что будет, когда все они вымрут и от совета Литературно-исторического общества останутся одни издававшие виды пустые стулья?

– Хорошо бы повернуть все побыстрее. У нас тренировка через час.

Появился Том Хэнкок, а за ним – Кен Хэслам. Эти двое в последнее время никогда не расставались и, будучи членами одной команды, готовились принять участие в этих нелепых гонках.

Том был радостью Элизабет. Ее надеждой. И не только потому, что занимал пост священника в находящейся совсем рядом пресвитерианской церкви Святого Андрея.

Он был молод и появился в сообществе недавно – всего три года назад переехал в Квебек-Сити. В свои тридцать три года он был в два раза младше следующего самого молодого члена совета. Не было в нем пока этого цинизма, этой прожженности. Он продолжал верить, что его церковь еще обретет новых прихожан, что английское сообщество вдруг нарождает детей, а те проникнутся желанием остаться в Квебек-Сити. Он верил квебекскому правительству, когда оно обещало предоставить англоговорящим такие же права на работу, какие есть у франкоговорящих. И медицинское обеспечение на их родном языке. И образование. И дома для престарелых. Чтобы, когда никаких надежд не останется, они могли умереть, слыша от тех, кто заботится о них, родную речь.

Ему удалось вселить в совет надежду на то, что еще не все потеряно. И что, может быть, это даже и не война. Что это не какое-то ужасное продолжение битвы на Полях Авраама⁹, в которой на сей раз поражение терпят англичане. Элизабет кинула взгляд на удивительно маленькую статую генерала Джеймса Вольфа¹⁰. Дух этого прославленного мученика битвы, состоявшейся двести пятьдесят лет назад, зримо присутствовал в библиотеке Литературно-исторического общества в виде деревянного укора. Он был свидетелем их мелких стычек и вечно напоминал им о великой битве, которую он выиграл для них. Битве, в ходе которой он и погиб, но перед смертью успел-таки испытать торжество победы на этих обильно политых кровью фермерских полях. Он погиб, но прежде закончил войну и закрепил земли Квебека за англичанами. На бумаге.

И вот теперь из угла уютной старой библиотеки генерал Вольф смотрел на них сверху вниз. В буквальном и фигуральном смысле, как подозревала Элизабет.

– Ну что, Кен, – сказал Том, занимая свое место рядом с

⁹ *Битва при Квебеке* (битва на Полях Авраама) – одно из решающих сражений войны французов с англичанами за колонии в Северной Америке 13 сентября 1759 года, на равнине, получившей свое название в честь Авраама Мартена (1559–1664), который пас там скот. Победа в битве обеспечила англичанам возможность захватить Квебек и тем самым установить свою власть над всей территорией Канады. Ныне на этом месте разбит парк.

¹⁰ *Джеймс Вольф* – командующий английской армией во время Квебекского сражения. Получил смертельное ранение и умер.

названным джентльменом, – вы в форме? Готовы к гонкам?

Элизабет не слышала ответа Кена Хэслама. Правда, она и не ожидала, что услышит. Губы Кена шевельнулись, слова сформировались, но так и не прозвучали.

Они все помедлили, возможно думая, что сегодня он произнесет хоть слово не шепотом. Но их надежды были тщетны. Тем не менее Том Хэнкок продолжал что-то говорить Кену, словно между ними и в самом деле происходил какой-то словесный обмен.

Элизабет и за это любила Тома. Он не поддавался всеобщему мнению, будто молчаливость Кена объясняется его глупостью. Элизабет точно знала, что Кен не глуп. Кен, которому перевалило за шестьдесят, был самым успешным из них – он построил собственный бизнес. А теперь достиг и еще кое-чего весьма примечательного.

Он записался на участие в опасных гонках на каноэ¹¹. В команду Тома Хэнкока. Он стал старейшим членом команды, старейшим из всех участников нынешних гонок. А может, и всех предыдущих.

Глядя на Кена, тихого и спокойного, и на Тома, молодого, энергичного, красивого, Элизабет думала, что, наверное, эти двое прекрасно понимают друг друга. Возможно, у них есть какие-то общие интересы, о которых они помалкивают.

¹¹ Гонки на каноэ проводятся на реке Св. Лаврентия в зимнее время. Задача участников – пересечь замерзшую реку и вернуться обратно. Правда, чаще спортсменам приходится скользить на каноэ по льду или тянуть его на себе, чем плыть.

Не в первый раз Элизабет задумывалась о Томе Хэнкоке. Почему он приехал сюда священником и почему остановился в стенах Старого города. Элизабет знала, что не каждый способен жить за стенами крепости.

– Давайте начнем, – сказал Портер, выпрямляясь на своем стуле.

– Уинни еще не появилась, – напомнила Элизабет.

– Мы не можем ждать.

– Почему? – спросил Том спокойным голосом.

Но Портер все равно услышал в его вопросе вызов.

– Потому что уже больше чем пол-одиннадцатого и именно вы хотели свернуть все побыстрее, – ответил Портер, довольный тем, что осадил мальчишку.

«И опять, – подумала Элизабет, – Портер умудряется смотреть на друга, а видеть врага».

– Вы правы. Но все же я готов подождать, – улыбнулся Том, не желая вступать в перепалку.

– А я не готов. Что у нас там под первым пунктом в повестке?

Некоторое время до прибытия Уинни они обсуждали приобретение новых книг. Появилась Уинни. Маленькая и энергичная, она была фанатична в своей преданности. Английскому сообществу, Лит-Исту, но в первую очередь своим друзьям.

Она вошла, бросила на Портера испепеляющий взгляд и села рядом с Элизабет.

– Я смотрю, вы начали без меня, – сказала она. – Я же говорила, что немного опоздаю.

– Говорили. Но это не означает, что мы должны были вас ждать. Мы обсуждаем приобретение новых книг.

– И вам не пришло в голову, что этот вопрос лучше всего обсуждать с библиотекарем?

– Ну, теперь вы здесь.

Остальные члены совета наблюдали за этим, как за теннисным матчем на Уимблдоне, хотя и с гораздо меньшим интересом. Было совершенно ясно, кто здесь с яйцами и кто одержит победу.

Пятьдесят минут спустя они почти исчерпали повестку дня. Из овсяного печенья осталась одна штука, и члены совета поглядывали на нее, хотя воспитание не позволяло ее взять. Они обсудили счета за отопление, парковку для членов общества, потрепанные старые книги, завещанные обществу вместо денег. Книги эти обычно представляли собой собрания проповедей или сборники трагической викторианской поэзии. Иногда попадался скучный дневник какого-нибудь путешественника, рассказывающего о каждом дне своей поездки на Амазонку или в Африку, чтобы пострелять несчастных диких животных и понаделать из них чуел.

Они обсудили возможность продажи некоторых книг, но после предыдущего фиаско этот разговор не затянулся.

Элизабет, ведущая протокол, сдерживала себя, чтобы не шевелить губами, повторяя реплики членов совета. Это была

литургия. Знакомая и странным образом утешительная. На каждом заседании снова и снова повторялись одни и те же слова. Всегда и неизменно. Аминь.

Эту спокойную литургию вдруг прервал какой-то звук. Звук настолько необычный и пугающий, что Портер чуть не вскочил со стула.

– Что это было? – прошептал Кен Хэслам.

Для него это было равносильно крику.

– Кажется, дверной звонок, – ответила Уинни.

– Дверной звонок? – переспросил Портер. – Я и не знал, что у нас есть звонок.

– Поставлен в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, когда нас посетил губернатор провинции и не смог войти, – сказал мистер Блейк так, словно присутствовал при этом. – Сам я его никогда не слышал.

Но звонок прозвенел снова. Долгий, пронзительный.

Элизабет заперла парадную дверь Литературно-исторического общества, после того как прибыли все члены. Мера предосторожности, чтобы их не прервали. Впрочем, их никто никогда не прерывал, так что это была скорее дань традиции, чем необходимость. К тому же она повесила на толстой деревянной двери объявление: «ИДЕТ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА. БИБЛИОТЕКА ОТКРОЕТСЯ В ПОЛДЕНЬ. СПАСИБО. Мерси».

Звонок зазвонил снова. Кто-то давил на него, не отрывая пальца от кнопки.

Но члены совета продолжали глазеть друг на друга.

– Пойду посмотрю, – сказала Элизабет.

Портер уткнулся в свои бумаги – вот она, мужская доблесть.

– Нет. – Уинни встала. – Я пойду. А вы оставайтесь здесь.

Все проводили ее взглядом. Она исчезла в коридоре, осталось только цоканье каблучков по ступеням деревянной лестницы. Воцарилось молчание. Потом они снова услышали ее шаги на лестнице.

Они слушали, как шаги приближаются. Наконец Уинни пришла, но остановилась в дверях, лицо у нее было бледное и серьезное.

– Там один человек. Он хочет поговорить с советом.

– Так-так, – проговорил Портер, только теперь, когда пожилая женщина уже сходила к дверям, вспомнивший, что они их вождь. – И кто же это?

– Огюстен Рено, – сказала она, вглядываясь в их лица.

Если бы она сказала: «Дракула», они не испугались бы сильнее. Впрочем, для англоязычных канадцев «испугаться» означало поднять брови.

Все брови в комнате взметнулись, и если бы то же самое мог сделать и генерал Вольф, то непременно сделал бы.

– Я оставила его на улице, – произнесла Уинни в тишину.

Словно подтверждая это, звонок взорвался снова.

– Что будем делать? – спросила Уинни, но обратила эти слова не к Портеру, а к Элизабет.

Все посмотрели на Элизабет.

– Мы должны проголосовать, – сказала наконец Элизабет.

– Принять его или нет.

– Правильно, – подхватил Портер.

– Его нет в повестке дня, – сообщил мистер Блейк.

– Верно, – сказал Портер, пытаясь вернуть бразды правления в свои руки.

Но даже он посмотрел на Элизабет.

– Кто за то, чтобы позволить Огюстену Рено выступить перед советом? – спросила Элизабет.

Не поднялось ни одной руки.

Элизабет опустила авторучку, не записав результаты голосования. Она коротко кивнула и встала:

– Я ему скажу.

– Я пойду с вами, – вызвалась Уинни.

– Нет, дорогая, оставайтесь здесь. Я мигом. Нет, правда. – Она помедлила у двери, оглядела членов совета и генерала Вольфа, взирающего на них сверху. – Насколько это может быть плохо?

Но они все знали ответ. Когда приходил Огюстен Рено, добром это никогда не кончалось.

Глава вторая

Арман Гамаш устроился на потертом кожаном диване под статуей генерала Вольфа. Кивнув пожилому человеку, сидевшему напротив, он вытащил из сумки письма. После прогулки по городу с Эмилем и Анри Гамаш вернулся домой, взял свою почту, собрал записки, сунул их в сумку, а потом вместе с Анри отправился вверх по холму.

В тихую библиотеку Литературно-исторического общества.

Гамаш взглянул на плотный конверт, лежащий рядом с ним на диване. Ежедневная корреспонденция из управления в Монреале пересылалась в дом Эмиля. Вот и на сей раз агент Изабель Лакост рассортировала почту и отправила ее с сопроводительной запиской.

«Дорогой шеф!

Рада была поговорить с Вами. Завидую Вашим нескольким дням в Квебеке. Я все время говорю мужу, что нужно отвезти детей на карнавал, но он утверждает, что они еще слишком маленькие. Может быть, он прав. Но дело в том, что мне самой очень хочется.

Допросы подозреваемого (так трудно называть его подозреваемым, когда есть полная уверенность) продолжаются. Я не слышала, что он говорит, если он вообще что-то говорит. Как Вы знаете, была организована Королевская комис-

сия. Вы уже давали показания? Я получила вызов на завтра. Не знаю, что им говорить».

Гамаш на минуту оторвался от записки. Агент Лакост, конечно, скажет им правду. Так, как она ее понимает. Выбора у нее нет – ни характер, ни жизненный опыт не позволят ей ничего иного. Перед отъездом он приказал всему управлению сотрудничать с комиссией.

Как сотрудничал сам Гамаш.

Он вернулся к записке.

«Никто не знает, к чему это приведет и чем кончится.

Но подозрения есть. Атмосфера напряженная.

Буду Вас информировать.

Изабель Лакост».

Такое тяжелое – не удержать – письмо медленно опустилось ему на колени. Гамаш уставился в пространство, и перед его мысленным взором замелькало лицо агента Лакост. Ее образ то возникал, то исчезал. Она смотрела на него и, казалось, кричала что-то, хотя он и не мог разобрать что. Он почувствовал, как ее маленькие сильные руки ухватили его за голову, увидел, как она подалась к нему, как шевелятся ее губы, как пристально смотрят глаза, пытаются что-то донести до него. Он почувствовал, как ее руки сдергивают брожежилет с его груди. Увидел на них кровь, увидел выражение ее лица.

Потом увидел ее снова.

На похоронах. Скольких тогда провожали... Она стояла в

одном ряду с другими агентами знаменитого отдела по расследованию убийств Квебекской полиции, а он – во главе этой скорбной колонны. Хоронили тех, кто был под его началом и погиб в тот день на заброшенной фабрике.

Гамаш закрыл глаза и глубоко вздохнул, вдыхая терпкий библиотечный дух. Дух былых веков, стабильности, спокойствия и мира. Старомодной полировки, дерева, слов в потертых кожаных переплетах. Ощутил он и собственный слабый запах розовой воды и сандалового дерева.

И он подумал о чем-то хорошем, о чем-то приятном, о какой-то тихой гавани. И нашел все это в Рейн-Мари, вспомнив ее голос в телефонной трубке. Веселый. Домашний. Уютный. Гамаш разговаривал с ней сегодня чуть раньше. Их дочь Анни придет на обед вместе с мужем. Нужно прикупить что-нибудь, полить цветы, прочитать пришедшие письма.

Он видел ее по мобильнику в их утремонской квартире, у книжного шкафа: солнечная комната полна книг, периодики и уютной мебели, повсюду порядок и покой.

В их квартире было спокойствие, как и в самой Рейн-Мари.

И он почувствовал, что его сердце успокоилось, дыхание стало глубже. Набрав в легкие побольше воздуха, он открыл глаза.

– Ваша собака не хочет водички?

– Простите? – Гамаш тряхнул головой и увидел пожилого человека – тот сидел напротив Гамаша и показывал на Анри.

– Я когда-то приходил сюда с Симусом. Я читал, а он лежал у моих ног. Как и ваш пес. Его как зовут?

– Анри.

Услышав свое имя, молодая овчарка села, насторожилась, громадные уши зашевелились, как радары, ловящие сигнал.

– Умоляю вас, месье, только не говорите «мячик» – тут его уже будет не удержать.

Человек рассмеялся:

– Симус возбуждался каждый раз, когда я говорил «книга». Он знал, что мы идем сюда. Похоже, ему это нравилось даже больше, чем мне.

Гамаш приходил в эту библиотеку каждый день вот уже почти неделю, и, если не считать разговоров шепотком с библиотекаршей, которая помогала ему искать малоизвестные книги о битве на Полях Авраама, прежде он ни с кем тут не разговаривал.

Было таким облегчением не говорить, не объяснять, не чувствовать, что объяснение желательно и даже обязательно. Все это никуда не денется, вскоре вернется. Но пока он искал и находил покой в этой безвестной библиотеке.

Хотя Гамаш не первый год приезжал к своему наставнику и считал, что хорошо знает Старый город, однако здесь он не бывал ни разу. Даже не замечал здания библиотеки среди других красивых домов, церквей, монастырей, школ, отелей и ресторанов.

Но здесь, прямо на рю Сен-Станисла, где стоял старинный

дом Эмиля, Гамаш обнаружил святилище в английской библиотеке, среди книг. А где же еще?

– Он хочет водички? – повторил свой вопрос старик.

Он явно старался помочь, и хотя Гамаш не думал, что Анри чего-то надо, он сказал: да, спасибо. Они вместе вышли из библиотеки, прошли по отделанному деревом коридору, мимо портретов прежних глав Литературно-исторического общества. Казалось, что библиотека обросла своей собственной историей.

Это придавало ей некую ауру спокойствия и стабильности. Впрочем, Старый город, огороженный толстой стеной, почти весь был такой. Единственный город-крепость в Северной Америке, город, защищенный от нападения.

Стены эти давно уже имели символическое, а не практическое значение, но Гамаш знал, что символы подчас сильнее пушечных ядер. И в самом деле, люди умирали, города сдавались врагу, а символы оставались, крепили.

Символы были бессмертны.

Пожилой человек налил воды в миску, и Гамаш отнес ее в зал библиотеки, поставил на полотенце, чтобы вода не пролилась на широкие темные паркетины. Анри, конечно, проигнорировал это.

Двое мужчин вернулись на свои места. Гамаш заметил, что старик читает какой-то толстенный том по садоводству. Сам он вернулся к переписке – к той выборке писем, которую, по мнению Изабель Лакост, ему будет интересно про-

читать. Большинство писем пришло от сочувствующих коллег со всего мира, другие – от граждан, которые тоже хотели выразить свои чувства. Гамаш прочитывал их все, отвечал на все, испытывая благодарность к Лакост за то, что она присылает ему лишь выборку.

Последним он прочел письмо, о присутствии которого знал. Оно всегда было в пачке. Каждый день. Оно было написано знакомым ему почерком, почти неразборчивой скорописью, но Гамаш научился разбирать этот почерк и теперь мог прочесть каракули.

«Дорогой Арман!

Думаю о Вас и молюсь о том, чтобы Вам стало лучше. Мы часто о Вас вспоминаем и надеемся, что Вы заедете к нам в гости. Рут говорит, что Вы должны приехать с Рейн-Мари, потому что она, Рут, Вас на самом деле не любит. И все же она просит меня передать Вам привет и посылает в жопу».

Гамаш улыбнулся. Это было одним из самых мягких пожеланий Рут Зардо. Почти что проявлением нежности. Почти.

«Но у меня все же есть один вопрос. Зачем Оливье понадобилось перемещать тело? Это не имеет смысла. Понимаете, он не делал этого.

С любовью,
Габри».

В письмо Габри, как всегда, вложил лакричную трубочку.

Гамаш взял ее, подумал и предложил человеку, сидящему напротив.

– Лакричная конфета? – Человек взглянул на Гамаша, потом на подношение. – Вы предлагаете конфету незнакомому человеку? Надеюсь, мне не придется вызывать полицию.

Гамаш непроизвольно напрягся. Неужели этот человек узнал его? Это что, завуалированная угроза? Но старик улыбался, а его блеклые глаза бесхитростно смотрели на Гамаша. Протянув руку, он сломал трубочку и большую часть отдал Гамашу. Ту часть, что с конфетным пламенем, лучшую и самую большую часть.

– Merci, vous êtes très gentil.

«Спасибо, вы очень добры», – сказал человек.

– C'est moi qui vous remercie.

«Это я должен быть вам благодарен», – возразил Гамаш.

Обычный обмен любезностями между вежливыми людьми, но от этого не менее искренний. Человек говорил на идеальном французском, на котором говорят культурные, образованные французы. Может быть, с некоторым акцентом, но Гамаш понимал, что это, вероятно, предвзятая оценка, поскольку он знает: этот человек англоязычный канадец, тогда как сам он канадец франкоязычный.

Они посасывали свои части трубочки и читали каждый свое. Анри лежал рядом, а в половине четвертого библиотекарша по имени Уинни включила свет. Солнце уже садилось в городе-крепости, и в библиотеке, что приютилась в его сте-

нах, становилось темновато.

Гамашу это напомнило матрешку. Снаружи находится Северная Америка, а в ней – Канада, а внутри Канады – Квебек. А внутри Квебека? Нечто еще более мелкое – маленькое английское сообщество. А что в нем?

Это место. Литературно-историческое общество. Оно хранило их записи, их мысли, их воспоминания, их символы. Гамашу не нужно было поднимать взгляд на статую, под которой он сидел, чтобы узнать, кто это. Это место хранило память о своих вождях, своей культуре и достижениях. Хранило что-то давно забытое или никогда не известное франкоязычному большинству за пределами этих стен, но живое здесь.

Примечательное место, о существовании которого практически не знали франкоязычные граждане. Когда он сказал об этом Эмилю, его старый друг подумал, что Гамаш шутит, выдумывает, а ведь это здание находилось в двух кварталах от его дома.

Да, это было похоже на матрешку. Одно находится в другом, а в самой сердцевине лежит крохотная жемчужина. Но вот что неясно: просто ли лежит или же прячется?

Гамаш увидел, как Уинни прошла по библиотеке с ее книжными стеллажами от пола до потолка, индейскими коврами на деревянных полах, длинным деревянным столом. Два старинных кожаных кресла и потертый кожаный диван, на котором сидел Гамаш, разложив перед собой на кофей-

ном столике письма и книги, были чем-то вроде читального зала. Стройный ряд стеллажей нарушали арочные окна, через них в помещение проникал свет, если снаружи был свет. Но самым поразительным в этой библиотеке была антресошь, проходившая поверху. Посетители могли подняться по кованой металлической винтовой лестнице ко второму этажу стеллажей, упиравшихся в оштукатуренный потолок.

Это помещение было заполнено множеством томов, больших и маленьких. Светом. Покоем.

Гамаш не мог поверить, что все эти годы не знал о библиотеке, что набрел на нее совершенно случайно, когда прогуливался, пытаясь прогнать навязчивые видения. Еще хуже этих незваных мелькающих образов были звуки. Звуки выстрелов, стоны дерева и стен, в которые вгрызались пули. Крики, потом вопли.

Но громче всего этого звучал тот спокойный, доверчивый молодой голос: «Я вам верю, сэр».

Арман и Анри покинули библиотеку и обычным маршрутом обошли ближайшие магазины, купив отборные сыры из сырого молока, паштет и ягнятину от Ж. А. Муасана, фрукты и овощи в продовольственном магазине на другой стороне улицы, свежий, еще теплый батон в пекарне Пайяра на рю Сен-Жан. Добравшись домой раньше Эмиля, Гамаш подбросил дров в камин, чтобы поднять температуру в доме. Дом был построен в 1752 году, и хотя каменные стены толщиной

в три фута могли запросто выдержать попадание пушечного ядра, против зимних ветров дом был беззащитен.

Гамаш принялся готовить, и в доме потеплело. Когда появился Эмиль, в теплом воздухе уже стоял запах розмарина, чеснока и ягненка.

– Salut!¹² – крикнул Эмиль от входной двери, а несколько секунд спустя появился на кухне с бутылкой красного вина и полез в ящик за штопором. – Пахнет потрясающе.

Гамаш принес ежевечерний поднос с батоном, сырами и паштетом в гостиную, поставил на стол перед камином, а Эмиль принес вино.

– Santé!¹³

Они уселись у камина и выпили. Перекусив, рассказали друг другу, как прошел у них день. Эмиль завтракал с друзьями в «Шато-Фронтенак», потом занимался разысканиями для общества Шамплейна. Гамаш поведал о своих тихих часах в библиотеке.

– Так ты нашел, что искал? – поинтересовался Эмиль, взяв кусочек паштета из печени дикого кабана.

Гамаш покачал головой:

– Это должно быть где-то там. Иначе все события лишаются всякого смысла. Мы знаем, что в тысяча семьсот пятьдесят девятом году французская армия находилась в полумиле отсюда – ждала англичан.

¹² Привет! (*фр.*)

¹³ Будем здоровы (*фр.*).

Об этой битве знали все квебекские школьники, она им снилась, они снова и снова участвовали в ней с деревянными мушкетами на воображаемых лошадях. Страшное сражение, решавшее судьбу города, территории, страны и континента. Квебекская битва, которой в 1759 году фактически завершилась Семилетняя война. По иронии судьбы, после стольких лет сражений между французами и англичанами в Новой Франции решающая битва стала очень короткой. Но жестокой.

Гамаш говорил, и они оба представляли себе это побоище. Холодный сентябрьский день. Армия под командованием генерала Монкальма, представлявшая собой смесь элитных французских войск и квебекцев, более привычных к партизанской тактике, чем к регулярным военным действиям. Французы прикладывали все усилия, чтобы снять осаду с Квебека, где стоял ужасный, жестокий голод. На крошечный город упало более пятнадцати тысяч ядер, и теперь, когда зима стояла на пороге, осаду нужно было прорвать, или их всех ждала смерть. Мужчин, женщин, детей. Нянек, монахинь, плотников, учителей. Всех ожидал один конец.

Генерал Монкальм и его войско вступили в бой с мощной английской армией – и началось беспрецедентное сражение. Победитель получает все.

Монкальм, отважный опытный воин, боевой командир, воодушевлявший солдат своим примером. Герой для своих солдат.

А кто против него? Не менее отважный и блестящий воин – генерал Вольф.

Квебек был построен на утесе в месте сужения реки. Это было большим стратегическим преимуществом. Никакой враг не мог атаковать его в лоб – ведь для этого требовалось забраться на утес, а это было невозможно.

Но атаковать можно было и с реки, а там нападающих поджидал Монкальм. Была, однако, и еще одна возможность – площадка, расположенная чуть выше. Будучи опытным командующим, Монкальм послал туда одного из своих лучших людей – своего собственного адъютанта, полковника Бугенвиля.

И вот наступила середина сентября 1759 года.

Но Монкальм совершил ошибку. Страшную ошибку. Даже несколько ошибок, и это собирался доказать Арман Гамаш, взявшийся за изучение истории Квебека.

– Очаровательная теория, Арман, – сказал Эмиль. – И ты на самом деле веришь, что в этой маленькой библиотеке можно найти ключ к разгадке? В этой английской библиотеке?

– А где ему еще быть?

Эмиль Комо кивнул. Он радовался тому, как увлекла его друга эта тема. Когда Арман и Рейн-Мари приехали к нему неделю назад, Эмилю понадобился целый день, чтобы привыкнуть к изменениям, произошедшим с Гамашем. И дело было не только в бороде или шрамах, – недавнее прошлое

непосильным бременем легло на его плечи, согнуло, сломало его. А теперь Гамаш, хотя и не забыл о прошлом, был уже не так погружен в себя.

– Ну а до писем ты добрался?

– Да, и нужно ответить на некоторые. – Гамаш достал пачку писем, помедлил несколько секунд, потом принял решение и вытащил одно. – Я хочу, чтобы вы его прочли.

Эмиль отхлебнул вина, прочел и рассмеялся. Вернул письмо Гамашу:

– Эта Рут явно в тебя влюблена.

– Будь у меня косички, она бы за них дергала, – улыбнулся Гамаш. – Кстати, я думаю, вы ее знаете.

И он продекламировал:

Кто причинил тебе такую боль,
что рана не затянется вовеки,
что каждую попытку примиренья
встречаешь ты кривой ухмылкой?

– Так это та самая Рут? – спросил Эмиль. – Рут Зардо? Поэтесса?

И он дочитал до конца это поразительное стихотворение, которое теперь изучали в школах по всему Квебеку:

Но мы, все те, кто знал тебя,
твои друзья (презренья твоего объект),
мы видели, что ты не знаешь страха,

мы знали разум твой и острое словцо
и будем вспоминать тебя
почти с любовью.

Двое мужчин помолчали несколько мгновений, глядя в пляшущие язычки пламени, забывшись в собственных мыслях о любви и утрате, о ране, которая не затянется вовеки.

– Я думал, она умерла, – сказал наконец Эмиль, намазывая паштет на мягкий хлеб.

Гамаш рассмеялся:

– Когда Габри представлял Рут моей жене, он сказал, что они откопали ее в собственном подвале.

Эмиль снова взял письмо.

– А кто такой Габри? Друг?

Гамаш помедлил:

– Да. Он живет в той маленькой деревеньке, о которой я вам рассказывал. Три Сосны.

– Помню-помню, ты был там несколько раз. Расследовал какие-то убийства. Я как-то пытался найти эту деревеньку на карте. Ты говорил, к югу от Монреаля, на границе с Вермонтом?

– Да.

– Что ж, – сказал Эмиль, – наверно, я слеп, потому что мне ее найти не удалось.

Гамаш кивнул:

– Картографы каким-то образом умудрились ее не заме-

тить.

– Тогда как же люди туда попадают?

– Не знаю. Может, она вдруг сама возникает из ниоткуда.

– «Я был слеп, но теперь я вижу»?¹⁴ – процитировал Эмиль. – Ее видят только бедолаги вроде тебя?

Гамаш рассмеялся:

– Там лучшее кофе с молоком и круассаны во всем Квебеке. Я счастливый бедолага. – Он снова встал и положил на кофейный столик остальные письма. – Еще я хотел показать вам вот это.

Эмиль принялся их читать, а Гамаш прихлебывал вино, ел сыр с булкой, наслаждался покоем в комнате, знакомой и удобной, как в его доме.

– И все они от того самого Габри, – сказал наконец Эмиль, постучав пальцем по стопке писем. – Как часто он тебе пишет?

– Каждый день.

– Каждый день? Он что, одержим тобой? Или это угроза? – Эмиль подался вперед, его взгляд неожиданно стал цепким, вся шутливость исчезла.

– Нет-нет, ничего подобного. Он друг.

– «Зачем Оливье понадобилось перемещать тело? – прочел Эмиль в одном из писем. – Это не имеет смысла. Понимаете, он не делал этого». Он пишет одно и то же в каждом

¹⁴ Слова из христианского гимна, написанного английским поэтом Джоном Ньютоном в 1779 году.

письме. – Эмили взял несколько и просмотрел их. – И что это значит?

– Я расследовал это дело прошлой осенью – на уик-энд Дня труда. В бистро Оливье в Трех Соснах было найдено тело. Жертва была убита единственным ударом по голове.

– Единственным?

Его наставник сразу ухватил самую суть. Единственный смертельный удар. Такое случалось крайне редко. Если человек получал один удар, то за этим почти наверняка следовали и другие – убийца впадал в неистовство и обрушивал на жертву множество ударов. Почти никогда не видели они одного удара, настолько сильного, что его хватало. Это означало следующее: убийца был так взбешен, что вложил в удар все свои силы, но в то же время контролировал себя настолько, что после этого остановился. Подобное сочетание было пугающим.

– Убитый не имел при себе никаких документов, но нам удалось найти домик в лесу, где он жил и где был убит. Видели бы вы, что там обнаружилось.

У Эмиля Комо было живое воображение – его на протяжении десятков лет подкармливали жуткие находки. Он ждал от Гамаша описания этого ужасного домика.

– Домик был полон сокровищ.

– Сокровищ?

– Я знаю, – улыбнулся Гамаш, видя лицо Эмиля. – Мы тоже этого не ждали. Это было невероятно. Старинные вещи,

артефакты. Они не имели цены.

Его наставник весь превратился во внимание. Он подался вперед, сцепил пальцы, расслабленный и настороженный. Тот, кто когда-то был охотником за убийцами, оставался им навсегда. И теперь он почувствовал запах крови. Все, что Гамашу было известно об убийствах, он узнал от этого человека. И о многом другом узнал он от него.

– Продолжай, – велел Комо.

– Там были первые издания с автографами авторов, старинный фарфор, хрусталь, изготовленный тысячу лет назад. Там обнаружилась панель из Янтарной комнаты, посуда, принадлежавшая Екатерине Великой.

И скрипка. В мгновение ока Гамаш перенесся в этот домик, увидел перед собой агента Поля Морена. Неловкий, долговязый, молодой, Морен взял бесценную скрипку, прижал ее подбородком, сросся с ней. Его тело внезапно утратило всякую неуклюжесть, он словно родился для этого инструмента. И лесной бревенчатый домик наполнился прекраснейшими звуками кельтского плача, навсегда остающегося в памяти.

– Арман?

– Извините. – Гамаш вернулся в каменный дом в Квебек-Сити. – Так, вспомнил кое-что.

Наставник Гамаша изучающе посмотрел на него:

– Все нормально?

Гамаш кивнул и улыбнулся:

– Просто мелодия.

– Вы нашли того, кто убил этого затворника?

– Нашли. Улик было более чем достаточно. Мы нашли орудие убийства и другие вещи из того домика в бистро.

– Убийцей оказался Оливье?

Эмиль поднял пачку писем, и Гамаш кивнул:

– Никто не мог в это поверить. Я не мог в это поверить. Но так оно и было.

Эмиль посмотрел на своего собеседника. Он хорошо знал Армана.

– Ты ему симпатизировал, этому Оливье?

– Он был другом. И остался другом.

Гамаш опять вспомнил, как они сидели в этом веселеньком бистро, а перед ними лежали улики, которые безусловно указывали на его друга. Вспомнил ужасное осознание того, что Оливье – убийца. Он забрал сокровища из лесного домика. Но что еще хуже, он забрал жизнь того человека.

– Ты сказал, что тело было обнаружено в бистро, но ведь его убили в собственном домике? Габри это имеет в виду? Зачем Оливье понадобилось перетаскивать тело из домика в бистро?

Гамаш долго молчал, а Эмиль не торопил его, прихлебывая вино и думая о своем. Он смотрел в огонь и ждал.

Наконец Гамаш заговорил:

– Габри задает хороший вопрос.

– Они партнеры?

Гамаш кивнул.

– Что ж, он просто не хочет верить, что это сделал Оливье. Вот и все.

– Да, не хочет. Но вопрос остается хорошим. Если Оливье убил Отшельника в лесном домике, то зачем ему тащить тело туда, где оно будет обнаружено?

– К тому же в собственное бистро.

– Нет, тут все сложнее. Вообще-то, он перетащил тело в ближайшую гостиницу со спа-салонem. Он признает, что перетащил туда тело, потому что пытался уничтожить спа. Он видел в нем конкурента.

– Значит, ответ у тебя есть.

– В том-то и дело, что, кроме ответа, у меня нет ничего, – сказал Гамаш, всем корпусом поворачиваясь к Эмилю. – Оливье утверждает, что нашел Отшельника убитым и решил воспользоваться трупом, как своего рода орудием, чтобы навредить конкуренту. Но он говорит, что если бы и в самом деле совершил убийство, то оставил бы тело в домике. Оставил бы в домике либо оттащил в лес, чтобы его съели койоты. Зачем убивать кого-то, а потом тащить тело туда, где его обнаружат?

– Но постой, – перебил его Эмиль, пытаясь осмыслить услышанное. – Ты сказал, что тело было найдено в собственном бистро Оливье. Как же это случилось?

– К несчастью для Оливье, владельцу гостиницы и спа-салона пришла в голову та же идея. Когда он обнаружил тело,

то перетащил его в бистро, чтобы попытаться уничтожить Оливье.

– Хорошенькие соседи. Как пауки в банке.

Гамаш кивнул:

– У нас ушло на это какое-то время, но в конечном счете мы нашли домик, и его сокровища, и свидетельство того, что Отшельника убили именно там. Криминалистическая экспертиза показала, что в домике бывали только два человека – Отшельник и Оливье. А потом некоторые предметы из домика мы обнаружили в бистро Оливье. Включая и оружие убийства. Оливье признался, что похитил их...

– Вот глупый человек.

– Корыстный человек.

– Ты его арестовал?

Гамаш кивнул, вспоминая тот жуткий день, когда он выяснил правду и должен был действовать. Вспоминая лицо Оливье, но еще хуже – лицо Габри.

А потом судебный процесс, дача показаний, свидетели.

Приговор.

Гамаш взглянул на стопку писем на диване. По одному на каждый день после вынесения приговора Оливье. Все дружелюбные, все содержавшие один и тот же вопрос:

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

– Ты все время называешь этого человека Отшельником.

А кто он такой?

– Иммигрант из Чехии по имени Якоб. Больше нам ничего

не известно.

Эмиль посмотрел на него, потом кивнул. Было не совсем обычно, что жертву убийства не удалось опознать, но такое случалось, особенно в тех случаях, когда убитый явно не хотел быть опознанным.

Они перешли в столовую с ее голыми каменными стенами, открытой кухней и ароматом жарящейся ягнятины и овощей. После обеда облачились в куртки, надели ошейник на Анри и вышли в морозный вечер. Снег поскрипывал под их подошвами. Они присоединились к толпе, устремившейся к громадной арке в стене на Плас-д'Увиль, где ожидалась церемония открытия Квебекского карнавала.

В разгар празднества, когда всюду звучали скрипки, детишки катались на санках, а фейерверки освещали небо над Старым городом, Эмиль повернулся к Гамашу:

– Так почему Оливье переместил тело, Арман?

Гамаш застыл посреди этих взрывов, вспышек света, людей, толпящихся вокруг, толкающихся и кричащих.

В сумерках заброшенной фабрики он увидел, как Жан Ги Бовуар упал, раненный. Он увидел вооруженных людей, которые открыли по ним стрельбу в месте, которое считалось почти незащищенным.

Он совершил ошибку. Страшную, ужасную ошибку.

Глава третья

На следующее утро в воскресенье Гамаш взял Анри прогуляться по свежему снежку на рю Сент-Урсюль, чтобы позавтракать в «Ле пти куан латен». Дожидаясь омлета и кофе с молоком, он смотрел, как гуляющие направляются в блинные на рю Сен-Жан. Забавно было наблюдать за происходящим из теплого уютного бистро в стороне от большой дороги, когда Анри лежит у его ног.

Гамаш прочитал свежие номера «Ле солель» и «Ле девуар», потом сложил газеты и снова взялся за почту из Трех Со-сен. Он живо представил Габри, крупного, говорливого, великолепно-го, сидящего в бистро, которое он теперь возглавлял. Вот он наклоняется над длинным полированным деревянным столом и пишет. В обоих концах большого помещения с балками под потолком топят камины из плитняка, ревет огонь, наполняя бистро светом, теплом и гостеприимством.

И даже в претензиях Габри к старшему инспектору всегда присутствовали теплота, дружелюбие.

Гамаш постучал по конвертам пальцем и почти что ощутил эту доброту. Но почувствовал и еще кое-что – убежденность Габри.

«Оливье не делал этого». Габри повторял эти слова из письма в письмо, словно повторами можно было утвердить

их истинность.

«Зачем Оливье понадобилось перемещать тело?»

Гамаш перестал постукивать пальцем по бумаге, посмотрел в окно, потом вытащил сотовый и позвонил.

Позавтракав, он поднялся по крутой скользкой улице, повернул налево и направился в Литературно-историческое общество. Время от времени он отступал в снежный сугроб, чтобы пропустить спешащие семейства. Ребятишки, тепло одетые, укутанные словно в коконы, защищенные от жгучего холода квебекской зимы, направлялись в Ледяной дворец снеговика Бонома, или на ледяную горку, или в *cabane à sucre*¹⁵ с его сладким кленовым сиропом, затвердевающим на снегу до состояния ириски. Вечера карнавала предназначались для студентов университета, которые выпивали и веселились, а дни были для детей.

И снова Гамаш подивился красоте Старого города с его узкими петляющими улицами, каменными зданиями, металлическими крышами под шапками снега и льда. Он словно оказался в средневековом европейском городе. Но Квебек-Сити представлял собой нечто большее, чем привлекательный анахронизм или милый тематический парк. Это был живой, яркий рай, приветливый город, который не раз переходил из рук в руки, но сохранил свое сердце. Теперь снег пошел сильнее, но ветра не было. Город, всегда привлекательный, зимой казался еще волшебнее со всем этим сне-

¹⁵ Сахарный домик(*фр.*).

гом, огнями, конными *calèche*¹⁶, людьми, тепло укутанными от холода.

На вершине улицы Гамаш остановился, чтобы перевести дыхание. Дыхание, которое с каждым днем становилось все легче по мере того, как к старшему инспектору возвращалось здоровье благодаря долгим спокойным прогулкам с Рейн-Мари, Эмилем или Анри. А иногда в одиночестве.

Впрочем, в эти дни он никогда не оставался один. А он стремился к этому – к благословенному одиночеству.

Avec le temps, говорил Эмиль. Со временем. И возможно, он был прав. Силы возвращались к Гамашу. Так почему бы не вернуться и здравомыслию?

Возобновив движение, он заметил, что впереди что-то происходит. Увидел полицейские машины. Наверняка возникла какая-нибудь потасовка с участием не проспавшихся после вчерашних возлияний студентов, которые приехали в Квебек, чтобы познакомиться с официальным напитком Зимнего карнавала под названием «карибу» – почти смертельная смесь портвейна и спирта. Доказать этого Гамаш не мог, но он не сомневался, что именно из-за «карибу» он стал терять волосы, когда ему перевалило за двадцать.

Приблизившись к зданию Литературно-исторического общества, он увидел еще больше полицейских машин и выставленный кордон.

Старший инспектор остановился. Анри тоже остановился

¹⁶ Колясками(*фр.*).

и сел рядом с ним, глядя на происходящее.

На этой боковой улочке было спокойнее, люди встречались реже, чем на главных улицах. В каких-то двадцати футах от себя Гамаш видел поток людей, не обращающих внимания на то, что происходит здесь.

У основания лестницы, ведущей в старую библиотеку, стояли полицейские. Другие полицейские толклись тут же. У тротуара были припаркованы грузовичок телефонной станции и «скорая помощь». Но никаких мигающих проблесковых маячков, никакого ощущения экстренной ситуации.

Это могло означать одно из двух. Либо это ложная тревога, либо нет, но нужда в срочных действиях уже отпала.

Для Гамаша выбор был ясен. Несколько полицейских у «скорой» смеялись и подталкивали друг друга. Старший инспектор рассвирепел при виде этого веселья – он в своей команде никогда не допускал такого на месте преступления. В жизни было место для смеха, но не вблизи недавней насильственной смерти. А то, что здесь имела место смерть, Гамаш не сомневался. И дело было не только в его инстинкте – он видел перед собой множество свидетельств, подтолкнувших его к этому выводу. Количество полицейских, неторопливость, присутствие «скорой».

Причем смерть была насильственной. Об этом ему сообщил кордон полицейских.

– Проходите, месье, – сказал, подойдя к нему, один из полицейских, молодой и нагловатый. – Тут не на что смотреть.

– Я хотел зайти туда, – объяснил Гамаш. – Вы не знаете, что случилось?

Молодой полицейский повернулся к нему спиной и пошел прочь, но это не смутило Гамаша. Он остался стоять, глядя на полицейских, которые переговаривались внутри кордона. А он и Анри стояли снаружи.

По каменным ступенькам спустился человек, сказал несколько слов одному из полицейских в кордоне, потом прошел к машине без полицейских опознавательных знаков. Помедлив, он огляделся и начал было садиться в машину. Но не сел. Он замер, медленно выпрямился и уставился на Гамаша. Смотрел на него секунд десять, если не больше, – не ахти какое время, если ешь шоколадное пирожное, но когда смотришь на незнакомого человека – немалое. Он тихо захлопнул дверь машины, пошел к полицейской ленте, перешагнул через нее. Увидев это, молодой полицейский оставил своих товарищей и поспешил к нему, зашагал в ногу с полицейским в гражданской одежде.

– Я уже говорил ему, чтобы он не задерживался.

– Говорил?

– Oui. Хотите, чтобы я потребовал?

– Нет, я хочу, чтобы ты шел со мной.

На глазах остальных двое полицейских пересекли заснеженную улицу и подошли к Гамашу. Последовала пауза – три человека вглядывались друг в друга.

Потом полицейский в штатском сделал шаг назад и отдал

честь. Молодой полицейский удивленно смотрел на человека в куртке, вязаной шапочке, с шарфом на шее и немецкой овчаркой у ноги. Он взглянул внимательнее на аккуратную седеющую бородку, заглянул в задумчивые карие глаза, увидел шрам.

Побледнев, он сделал шаг назад и тоже отдал честь.

– Chef, – сказал он.

Старший инспектор Гамаш в свою очередь поприветствовал их и махнул рукой, предлагая отказаться от формальностей. Эти люди даже не были в его подчинении. Он входил в полицейское управление провинции, а эти принадлежали к муниципальной полиции. Но он узнал полицейского в штатском по конференциям, на которых они встречались.

– Я не знал, что вы в Квебеке, сэр, – растерянно сказал старший полицейский.

Почему глава отделения по расследованию убийств полицейского управления всей провинции оказался рядом с местом преступления?

– Вы – инспектор Ланглуа, верно? Я здесь в отпуске, как вам, наверное, известно.

Оба местных полицейских коротко кивнули. Об этом знали все.

– Я в гостях у приятеля, хожу в библиотеку как частное лицо. А что тут случилось?

– Сегодня утром ремонтник с телефонной станции обнаружил здесь тело. В подвале.

– Убийство?

– Нет никаких сомнений. Его пытались зарыть, но, когда человек с телефонной станции начал копать, чтобы найти порванный кабель, там обнаружилось тело.

Гамаш посмотрел на здание. Сотни лет назад в нем размещались суд и тюрьма. Здесь казнили преступников, вешали в окне над главным входом. Это место в прежние времена знавало насильственную смерть и людей, которые несли ее по обе стороны закона. И вот теперь там снова произошла насильственная смерть.

Тут входная дверь открылась, и кто-то вышел наружу. Трудно было разобрать на таком расстоянии, к тому же человек был в зимней одежде, но Гамашу показалось, что он узнал одну из библиотечных волонтеров, пожилую женщину. Она посмотрела в их сторону и остановилась на верхней ступеньке лестницы.

– Коронер только что приехал, но уже сейчас можно сказать, что убитый находился в подвале недолго. Может быть, несколько часов, но никак не дней.

– Еще не начал смердеть, – отметил молодой полицейский. – А то меня от них чуть не рвет.

Гамаш вздохнул, его дыхание облачком вырвалось изо рта. Но он ничего не сказал. Этот полицейский не был его подчиненным, чтобы учить его отношению к недавно умершим, уважению, которое требуется проявлять в их присутствии. Учить сочувствию, необходимому для того, чтобы

увидеть в убитом человека. И не только в убитом, но и в убийце. Убийцу ловят не цинизмом и не сарказмом, не черным юмором и не грубыми замечаниями. Его ловят, наблюдая, думая и чувствуя. Грубые замечания не расчищают дорогу, не облегчают интерпретацию улик. Напротив, они затеняют истину страхом.

Но перед старшим инспектором был не его ученик, да и дело не имело к нему отношения.

Отведя глаза от молодого человека, он увидел, что женщина исчезла. Поскольку времени уйти куда-либо у нее не было, Гамаш решил, что она вошла внутрь.

Странно: одеться для улицы, а в конечном счете остаться в тепле.

Но он снова напомнил себе, что это не его дело.

– Хотите войти, сэр? – спросил инспектор Ланглуа.

Гамаш улыбнулся:

– А я как раз напоминал себе, что это не мое дело, инспектор. Спасибо за предложение, но я воздержусь.

Ланглуа бросил взгляд на молодого полицейского, взял Гамаша под локоть и отвел в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз.

– Я попросил вас об этом не из вежливости. Мой английский не очень хорош. Он не так уж плох, но вы бы послушали, как говорит по-французски старший библиотекарь. По крайней мере, мне кажется, что это французский. Она и сама явно так думает. Но я ни слова не могу понять. Когда я ее

допрашивал, она говорила по-французски, а я – по-английски. Это было похоже на мультик. Она, наверное, решила, что я идиот. Все, что мне оставалось, – это только улыбаться и кивать, и еще я, кажется, спросил у нее, не из низших ли она слоев.

– Зачем же вы это спросили?

– Я не хотел это спрашивать. Я хотел узнать, спускается ли она в подвал, но у меня не получилось. – Он печально улыбнулся. – По-моему, при расследовании убийства очень важна полная ясность.

– Вы, вероятно, правы. Что она ответила на ваш вопрос?

– Она очень расстроилась и сказала, что ночь – клубничка.

– Господи боже.

Ланглуа разочарованно вздохнул:

– Не войдете со мной? Я знаю, вы говорите по-английски.

Слышал ваши выступления на конференциях.

– Но откуда вы знаете, что и я не корежу язык? Может, ночь и есть клубничка.

– У нас есть другие полицейские, которые знают английский лучше меня, и я собирался привезти кого-нибудь из них, но тут увидел вас. Мы могли бы воспользоваться вашей помощью.

Гамаш сомневался. Он чувствовал дрожь в руках, которую, к счастью, скрывали рукавицы.

– Спасибо за приглашение. – Он встретился взглядом с инспектором. – Но я не могу.

Последовало молчание. Инспектор, ничуть не огорченный, кивнул:

– Не нужно было мне просить. Мои извинения.

– Да не за что извиняться. Я признателен вам за приглашение. Mercì.

Незаметно для них обоих за ними следили из окна второго этажа. Окно было вставлено сто лет назад вместо двери, которая выходила на мостки, а те вели к смерти через повешение.

Элизабет Макуиртер, все еще обмотанная шарфом, но оставившая пальто в гардеробе при входе, смотрела на двух мужчин. Немного ранее она выглянула из окна, чтобы не видеть это чуждое действо, творившееся в библиотеке. Она искала успокоения, душевного мира в неизменной картинке, открывающейся из окна. Перед ее глазами были пресвитерианская церковь Святого Андрея, резиденция священника, знакомые наклонные крыши города. Снежок неторопливо падал на них, словно в мире не было никаких забот.

Из окна она увидела человека с собакой – он стоял перед кордоном, наблюдал. Она знала, что вот уже неделю он каждый день приходит в библиотеку и сидит тихонько со своей овчаркой. Читает. Иногда пишет. Иногда спрашивает Уинни про книги, которые сто лет, а то и больше никем не открывались.

– Он ищет материал по битве на Полях Авраама, – дoloжила Уинни Портеру, когда они стояли на антресолях

над библиотекой. — В особенности его интересует переписка Джеймса Кука и Луи-Антуана де Бугенвиля.

— Почему? — прошептал Портер.

— Откуда мне знать? — сказала Уинни. — Эти книги такие старые, что, скорее всего, их никто не каталогизировал. Их даже отложили для следующей распродажи. Но потом это отменили.

Портер посмотрел на крупного спокойного человека, сидящего на кожаном диване внизу.

Элизабет была абсолютно уверена, что Портер не узнал его. Она не сомневалась, что и Уинни его не узнала. В отличие от нее.

А теперь, глядя, как местный полицейский инспектор пожимает ему руку и уходит, она снова взглянула на крупного человека и вспомнила, когда в последний раз видела его на улице.

Вместе с остальной провинцией, а вернее, со всей страной она смотрела Си-би-си. Как она узнала позднее, об этом была передача даже на Си-эн-эн, которая вещала на весь мир.

Тогда-то Элизабет и видела его. В форме, без бороды, с синяками на лице, в фуражке, не полностью закрывающей уродливые шрамы. Парадный мундир на нем был теплый, но наверняка не настолько, чтобы защитить его в холод. Он медленно, чуть прихрамывая, шел во главе длинной скорбной колонны мужчин и женщин в форме. Почти нескончаемый кортеж полицейских из Квебека, из Канады, из Штатов,

Англии, Франции. А во главе – их начальник. Человек, который вел их, но не последовал за ними до конца. В смерть. Чуть-чуть не успел.

И эта фотография, что появилась на первых газетных полосах, на обложках многих журналов, от «Пари матч» до «Маклинс», «Ньюсуик» и «Пипл».

Фотография старшего инспектора: глаза на мгновение закрыты, голова чуть приподнята, на лице гримаса – миг страшной внутренней муки, ставший достоянием публики. Это было почти невыносимо.

Элизабет никому не сказала, кто он, этот тихий человек, приходивший читать в их библиотеку, но сейчас это должно было измениться. Снова надев пальто, она осторожно спустилась по обледеневшим ступенькам и поспешила по улице следом за ним. Он шел по рю Сент-Анн, рядом с ним трусила собака на поводке.

– Pardon, – окликнула его Элизабет. – Excusez-moi¹⁷.

Гамаш, уже успевший уйти на некоторое расстояние, шел, обходя счастливых туристов и загулявших жителей города. Он свернул налево на рю Сент-Урсюль. Элизабет ускорила шаг. Свернув за угол, она увидела его в полуквартале впереди.

– Bonjour! – крикнула она и помахала ему рукой, но он шел спиной к ней, а если и слышал оклик, то, вероятно, подумал, что это обращено к кому-то другому.

¹⁷ Прошу прощения(*фр.*).

Он приближался к рю Сен-Луи и толпе, направляющейся в Ледяной дворец. Она почти наверняка потеряет его в этой толчее.

– Старший инспектор!

Это прозвучало даже тише, чем все предыдущие слова, но крупный человек сразу застыл на месте. Он стоял спиной к Элизабет, и она отметила, что некоторые недоброжелательно поглядывают на него, вынужденные обходить его по узкому тротуару.

Старший инспектор повернулся. Она боялась, что он будет раздражен, но у него был добродушный, недоумевающий вид. Он быстро пробежал взглядом по лицам и остановился на ней, стоящей в полуквартале от него. Он улыбнулся, и они двинулись навстречу друг другу.

– Désolé¹⁸, – сказала Элизабет, протягивая ему руку. – Извините, что побеспокоила.

– Не стоит извинений.

Наступило неловкое молчание. Гамаш никак не прокомментировал тот факт, что она знает его. Это было слишком очевидно, а он, как и она, не хотел тратить время на очевидное.

– Я знаю, вы работаете в библиотеке, верно? – сказал он. – Чем могу быть полезен?

Они стояли на людном углу рю Сен-Луи и рю Сент-Урсюль. Люди с трудом протискивались мимо них. Чтобы за-

¹⁸ Сожалею(*фр.*).

купорить узкую артерию, многого и не требовалось.

Элизабет все не решалась. Гамаш огляделся и махнул рукой в сторону, противоположную потоку людей, идущих по улице:

– Хотите кофе? Я подозреваю, что вам бы не помешало что-нибудь.

Она улыбнулась впервые за этот день и вздохнула:

– Oui, s'il vous plaît¹⁹.

Пройдя сквозь толпу на квартал вниз по склону, они остановились перед самым маленьким зданием на улице. Оно было побелено, крыша сверкала красным металлом, а наверху красовалась вывеска «Aux Anciens Canadiens»²⁰.

– Вообще-то, тут бывает полно туристов, но в такое время дня довольно тихо, – сказал Гамаш по-английски, открывая дверь.

Они оказались в довольно обычной для Квебека ситуации, когда из вежливости француз говорит по-английски, а англичанин – по-французски. Они вошли в темный уютный ресторанчик, самый старый в провинции, с низкими потолками, каменными стенами и сохранившимися потолочными балками.

Когда они сели и официант принял у них заказ, Гамаш спросил:

– Может быть, нам выбрать и язык?

¹⁹ Да, пожалуйста(*фр.*).

²⁰ «У старого канадца»(*фр.*).

Элизабет рассмеялась и кивнула.

– Как насчет английского? – спросил он.

Она еще никогда не видела старшего инспектора так близко. Ему было лет пятьдесят пять – об этом она знала из сообщений. Он был широкоплеч, хорошо сложен, но больше всего ее привлекли его глаза, темно-карие и спокойные.

Элизабет не ожидала этого. Думала, что у него проницательные, холодные, аналитические глаза, которые повидали много страшного, а потому смотрят жестко. Но они оказались задумчивыми, добрыми.

Официант принес Элизабет капучино, а Гамашу – эспрессо. Припозднившиеся с завтраком клиенты уже уходили, и в уголке, где они сели, было тихо.

– Вы, конечно, знаете, что случилось сегодня утром? – спросила Элизабет.

Кофе был ароматный, великолепный. Она нечасто тратилась на хороший кофе, но этот был угощением.

– Инспектор Ланглуа сказал мне, что в подвале Литературно-исторического общества обнаружено тело. – Говоря это, Гамаш смотрел на Элизабет. – Смерть была насильственной.

Она была благодарна ему за то, что он не сказал «убийство». Слишком уж это страшное слово. Она опробовала его в безопасности собственных мыслей, но пока еще не могла вынести на публику.

– Когда мы пришли сегодня утром, телефоны не работали,

и тогда Портер позвонил в «Белл Кэнада» и вызвал мастера.

– И мастер быстро приехал, – сказал Гамаш.

– Они нас знают. Здание у нас старое, нуждается в ремонте. Телефоны часто отключаются – либо замыкание, либо мыши перегрызают провода. Но нынешний случай нас удивил, потому что мы недавно поменяли всю проводку.

– Когда вы появились в библиотеке?

– В девять. Приходим пораньше, чтобы иметь час на рассортировку книг и всякие другие дела до открытия библиотеки. Как вы знаете, мы открываемся каждое утро в десять.

Гамаш улыбнулся:

– Я знаю. У вас замечательная библиотека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.